

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ КАК ОБЩЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. Н. Черковец

В статье обсуждаются в связке две теоретические темы: одна из области политической экономики, другая — из области методологии конкретно-экономических наук, точнее дисциплины региональной экономики с той ее стороны, с какой она отражает реальную экономику региона как проявление общих черт (законов) данной экономической системы. В первой части анализируется состояние применяемого в исследовательской работе и учебных изданиях по экономической теории научного аппарата, содержание и сопоставление смыслов таких используемых в качестве ключевых инструментальных понятий, как экономические, производственные, институциональные отношения. Во второй части рассматривается вопрос о различных видах регионов в экономике современной России, «базисных» и «надстроечных» факторах их формирования, противоречиях между экономическими основаниями и институциональными формами их организации, проблемы развития реальной региональной экономики в контексте общероссийской стратегии социально-экономического движения страны.

1. Производственные и институциональные отношения в предметном пространстве политической экономики

Интересующиеся вопросами экономической теории — не только специалисты-профессионалы, но и широкий круг ее изучающих и следящих за ее состоянием и развитием — не могли не заметить, что из научной и учебной литературы, из политических документов постепенно исчезло понятие «производственные отношения» и стало редко применяться даже понятие «экономические отношения», вытесненное и вытесняемое другим понятием — «институциональные отношения». Но правомерна ли, обоснованна ли такая замена? Не утрачивает ли политическая экономия как общетеоретическая экономическая наука в своем языке такие термины, которые позволяют определить ее предметные границы и специфику ее содержательного, смыслового наполнения? Не ослабляется ли ее нацеленность как фундаментальной науки на выявление и объяснение сущности экономических процессов и не притупляется ли социальная заостренность ее анализов и прогнозов?

«Производственные отношения» были открыты социальной философией марксизма (историческим материализмом) и стали, во взаимосвязи с производительными силами, общественной формой существования и развития которых они являются, предметом политической экономии. Меркантилисты и классическая политическая экономия до Маркса не знали этого понятия, но они знали об экономических отношениях и изучали их. Меркантилисты,

особенно ранние, сводили их к отношениям обмена, преимущественно в сфере внешней торговли, в которой они видели единственный источник прибыли торгового капитала — преобладающей в их время формы капитала, обеспечивавшей рост национального богатства. Классики в лице Ф. Кенэ, А. Смита, Д. Рикардо перенесли свой аналитический поиск источников «богатства народов» в сферу производства материальных благ, где производительным трудом занятых рабочих создается потребительная стоимость товаров и их стоимость, проявляющаяся в цене, содержащей прибыль. Поэтому их анализ экономических отношений стал фактически исследованием этих отношений как производственных. Именно такой подход применил и развил Маркс, не только вводя этот термин в научный аппарат своих экономических исследований, но и выражая их исходный пункт как в создании продуктов труда и их стоимости, так и в системе фаз общественного воспроизводства («производство в широком смысле»): непосредственное производство — обмен — распределение — потребление. Все отношения в этих фазах входят в воспроизводственную структуру производственных отношений и являются отдельными их элементами. Как показывают исследования трудов предшественников Маркса и его «Капитала», не все производственные (экономические) отношения становятся непосредственным предметом политической экономии. Позднее в советской литературе стали проводить различие между техно-экономическими (техно-производственными) и общественно-экономическими (общественно-производственными или

социально-производственными) отношениями. К. Маркс говорил об «общественных комбинациях процесса производства», имея в виду кооперацию труда (совместный труд) и разделение труда в обществе и внутри предприятия. Комбинации этих отношений вместе с тем способны создавать дополнительную производительную силу труда (синергический эффект) и действовать как факторы роста его производительности. Предметом политической экономии как особой экономической науки являются, как показывает ее история, общественно (социально)-производственные отношения, выражающие определенные исторические формы присвоения средств производства (созданных трудом и естественных ресурсов) и их реализацию в распределении благ во взаимодействии с производительными силами и общественными отношениями неэкономической сферы. Неоклассическая экономика, правящая бал в современной мировой экономической науке и в экономическом образовании, формально не указывает в своем предмете ни производственных, ни экономических отношений, однако фактически лишь частично выходит за их пределы, что видно даже из предлагаемых формулировок.

Уже автор первого учебника по экономике П. Самуэльсон из всех известных ему определений ее предмета (в т. ч. и как науки о богатстве) выбрал и отредактировал следующее: «Экономическая теория есть наука о том, какие из редких производительных ресурсов люди и общество с течением времени, с помощью денег или без их участия, избирают для производства различных товаров и распределения их в целях потребления в настоящем и будущем между различными людьми и группами общества» [11, с. 25]. В одном из распространенных современных американских учебников говорится: «Экономика — это исследование поведения людей в процессе производства, распределения и потребления материальных благ и услуг в мире ограниченных ресурсов» [4, с. 18]. Характерно определение критериев (признаков) экономических систем, которое дается в этом учебнике, выделяющем два главных признака: «собственность на ресурсы» и «координационный механизм» — рыночная система или централизованное планирование [12, с. 48].

То, что не трудовая стоимость, а полезность (спрос) определяет цену товара, и главное внимание сосредоточивается в экономике на меновых отношениях, уходя от признания исходной точкой анализа производства и от интереса

к сущностной области производственных отношений, не означает отказа от изучения этой области вообще. Другое дело, что верховенство потребительского вместо производственного подхода (хотя вообще тема производства не исчезает и прямо присутствует в определениях предмета), что диктуется методологией неоклассики, подсказывает целесообразность использования при характеристике ее предмета не производственных, а экономических отношений, в термине которых формально нет акцента на материальное производство. Вместе с тем экономические отношения как предмет общей экономической теории позволяют, во-первых (при различии применяемых методологических принципов), соединить по предмету ее различные части (направления) в одной области исследования и разграничить их и другие области экономической теории. Во-вторых, расширяется возможность постановки вопроса об особенностях проявлений доминирующих в стране экономических отношений данного исторического типа в отдельных сферах, отраслях и регионах, т. е. о внутрисферных, отраслевых и региональных экономических отношениях.

Предложенный выше теоретический экскурс в лабиринты предметной проблематики предваряет ответ на поставленные в начале статьи вопросы об институциональном «нашествии» на поля современной экономической теории, статистики и конкретно-экономических работ, в т. ч. по региональной экономике, входящей как научная дисциплина в классификационной системе, по моему мнению, в один логический блок с мировой и национальной экономикой.

Понятия «институциональная среда», «институциональные отношения» связаны, как известно, с ключевой категорией особого направления современной экономической науки институционализма — институтом [7, с. 304-307]. Однако однозначного определения «института» не дает ни одно из двух главных течений этого модного сегодня социолого-экономического научного направления («старый» и «новый» институционализм). Да и внутри каждого из этих течений, как выясняется, нет единого мнения. Общим, пожалуй, является лишь их деление на два класса — формальные (различные законодательные акты, принимаемые политической системой) и неформальные (обычаи и проч.). Под определение институтов, если судить по работам институционалистов, попадают и социальные взаимоотношения, и государство, его учреждения, правовые

акты, регулирующие разные стороны жизни общества, в т. ч. экономическую деятельность, права собственности, и негосударственные, общественные организации и их решения, и рынок, и фирмы, и общественный договор [8], и договоры участников рыночных отношений по различным сделкам, и народные обычаи, и нравственные нормы поведения людей, и даже правила их поведения за столом (!) и многое др. Неопределенность понятия «институт» признает авторитетный современный представитель «старого» (вебленовского) институционализма Дж. Ходжсон. «Проблема дефиниции институтов, — пишет он, — стала предметом многочисленных споров, и полное согласие по этому вопросу так до сих пор и не достигнуто. Лично я определяю институты в основном как долговечные системы сложившихся и укорененных правил, которые придают структуру социальным взаимодействиям. Короче говоря, институты суть системы социальных правил. Термин „правило“ здесь трактуется в широком смысле, как предписание или установка в ситуации X сделать Y. Тем самым сюда включаются как нормы поведения и социальные конвенции, так и юридические и формальные правила. По своей природе институты должны основываться на некоторых общих концепциях — только тогда правила будут действенными. Языковые, денежные, правовые системы, системы мер и весов, правила дорожного движения и поведения за столом, а также фирмы (равно как и все прочие организации) — все это институты... Институты — это одновременно и объективно существующие структуры, находящиеся где-то „вовне“, и субъективные пружины человеческой деятельности „в головах людей“, „рынок как таковой является социальным институтом» [14, с. 11-13, 58].

Однако немалое количество публикаций в научных изданиях и в виде многочисленных учебных пособий не только не привели пока к прояснению понятий «институты» и «институциональная среда». Часто под флагом институциональной риторики фактически выполняются работы в традиционном стиле политэкономического или конкретно-экономического характера, что, конечно, не умаляет значимость исследований, но ставит вопрос о мотивах введения новой терминологии для обозначения прежде известных явлений, т. е. их переименования. По-разному отвечают, например, на вопрос, относятся ли учреждения, организации, например, фирмы, корпорации, профсоюзы и т. д. к институтам как к категории институциональной теории. Можно встре-

тить и такую оригинальную трактовку института, как общества в целом, более того, как исходной категории всей институциональной системы, изучаемой путем «восхождения от абстрактного к конкретному». Здесь мы видим прямой перевод на язык институционализма логики марксистской политической экономики. Некоторые авторы считают институтами образование, здравоохранение и другие части социальной сферы, являющиеся, как известно, «видами экономической деятельности» или отраслями народного хозяйства. Но тогда логично не только отрасли права, традиционно еще со времен Древнего Рима именуемые как институты права, но и отрасли материального производства признать институтами на категориальном языке институциональной школы. Конечно, если весь этот конгломерат явлений и учреждений признавать «институциональной средой», а каждый из ее элементов рассматривать как «фактор» функционирования и инновационно-модернизационного развития российской экономики, то такой предмет изучения и обсуждения не имеет границ ни во времени, ни в пространстве. А главное то, что, во-первых, разнородность частей такой «среды» настолько велика, что исчезает критерий их соединения в качественно единой системе; во-вторых, стираются различия между существенными (с точки зрения влияния на экономический процесс), менее существенными и несущественными факторами, особенно если иметь в виду общественный, макроэкономический уровень. Во-вторых, остается совершенно неясным, какая часть «институциональной среды» находится непосредственно в сфере экономики, в области общественно-производственных (экономических) отношений и, следовательно, может быть сама рассмотрена как элемент экономического развития. Ведь очевидное воздействие политики государства, права и других «надстроечных» факторов на функционирование и развитие экономики не превращает их в ее структурные элементы. Другое дело — результаты их влияния на экономическую систему, протекающие в ней процессы. Но это уже иное — формы их реализации, приобретающие качество экономических феноменов и категорий. Хорошо разъясняет эту диалектику пример из третьего тома «Капитала»: право собственности на землю (юридический институт), реализуясь в создании и присвоении земельной ренты, превращается в земельную собственность как экономическую категорию (экономический «институт»).

Наплыв желающих из числа бывших приверженцев марксистской методологии преподавать, пропагандировать с разной степенью компетентности институционализм и заниматься его научной разработкой (к сожалению, не упреждая два первых вида деятельности на его ниве) привел, как свидетельствуют проводимые в разных местах многочисленные научные конференции и публикации, к еще большей разногласии в понимании институциональных категорий.

Свидетельством сказанному может быть недавно изданная Костромским государственным университетом им. Н.А. Некрасова книга «Экономические институты современной России». Книга интересна тем, что в ней представлены в авторской редакции статьи из разных регионов страны с той мозаикой взглядов на понятие экономических институтов, о которой идет речь в нашей статье. Есть статьи, совершенно нейтральные к институциональному направлению и вместе с тем делающие заявку на создание «новой политической экономики» [15].

Часто название работ заявляет об их принадлежности к институциональной тематике, но фактически они выполнены в традиционном стиле политэкономического или конкретно-экономического характера, что, конечно, не умаляет значимость исследования, но ставит вопрос о мотивах введения новой терминологии для обозначения прежде известных явлений, т. е. их переименования. По-разному отвечают на вопрос, относятся ли учреждения, организации, например, фирмы, корпорации, профсоюзы и т. д. к «институтам» как категориям институциональной теории. Некоторые авторы институтами считают виды экономической деятельности (в международном отраслевом классификаторе МСОК и российском классификаторе ОКВЭД) или отрасли народного хозяйства (в прежнем российском классификаторе отраслей народного хозяйства ОКОНХ). Но тогда логично не только отрасли права, традиционно именуемые как институты права, но и отрасли материального производства признать институтами на категориальном языке институциональной школы (или обеих школ?).

Что касается неоинституционализма, то для него, по нашему представлению, характерны по крайней мере три черты, отличающие его от традиционного институционализма:

— в определении понятия «институт» у него нет такого разброса, он более монистичен, указывая только на нормы и правила поведения индивидов;

— он проводит линию так называемого экономического империализма, перенося неоклассическую методологию, ее основные понятия и инструменты анализа на внеэкономические сферы — правовую, политическую, здравоохранение, образование, семейно-бытовые отношения и проч.;

— разрабатывая проблематику этих сфер, он оказывается в ряде случаев на стыке экономики и права, экономики и политики и т. д. Таковы его теория прав собственности, теория фирмы, экономика права и др. Например, теория прав собственности дифференцирует право собственности, «расщепляется» на отдельные права, конкретизированные (говорят — специфицированные) как правомочия субъекта применительно к определенному объекту, в т. ч. и к ресурсам производства. Но, бесспорно, это не собственность как экономическая категория и не многообразие ее экономических форм.

Конечно, дифференциация права собственности, например, по объектам его применения имеет и научный, и практико-хозяйственный смысл, но именно как конкретизированная общая правовая норма, используемая в экономической сфере и регулирующая экономическую деятельность («поведение») субъектов хозяйствования. Но данная функция сама по себе не изменяет юридическую природу права. Получить экономическое содержание право собственности (и его отдельные составляющие) может, как отмечалось выше, только путем его экономической реализации, т. е. присвоения определенного результата экономической деятельности. Нормы права (юридические и неформальные традиционные установления) могут активно содействовать или, напротив, тормозить рост производительности, эффективности этой деятельности. Вероятно, с точки зрения неоинституционализма задача экономической модернизации заключалась бы в основном (можно предположить) в реформировании именно правовых отношений, обслуживающих экономические отношения хозяйствующих индивидов [8]. Классический институционализм тоже, видимо, не исключал бы такого понимания задачи, но далеко, судя по всему, не ограничился бы им. Если его представители видят в рынке важнейший «социальный институт», т. е. целую систему экономических отношений, то объективно, с точки зрения их концептуальных установок, из российского поля экономической модернизации не может быть априори исключена и экономическая система как таковая.

Даже сказанного достаточно, чтобы признать необходимость теоретического продвижения в разработке представителями обоих институциональных направлений, а также их новых ответвлений, использующих их подходы и инструменты анализа, в частности теории «институционально-эволюционной экономики» [13], ключевого понятия «институт», применяемого в их доктринах. Здесь нельзя ограничиться фрагментарными высказываниями.

Еще в 70-х гг. прошлого века, когда в советской экономической науке институционализм как определенное течение западной экономической мысли был лишь объектом критического анализа и официально не признавался как позитивный элемент экономической теории, вопрос об экономических «институциональных отношениях» (хотя и с иной терминологией) возник фактически в связи с проблемой совершенствования «хозяйственного механизма» советской экономики.

Вопрос о «хозяйственном механизме» в плановой экономике активно ставился и разрабатывался в ЦЭМИ АН СССР представителями теории (системы) оптимального функционирования плановой экономики («СОФЭ»). В политической экономии Л.И. Абалкин интерпретировал понятие хозяйственного механизма как совокупность «организационно-экономических отношений», находящихся «между» производственными отношениями и производительными силами и связующих их как стороны способа производства (см. его «Хозяйственный механизм развитого социалистического общества». М., 1973). Отдел общих проблем политической экономии социализма Института экономики АН СССР в конце 1970-х — начале 1980-х гг. разработал иную трактовку понятия хозяйственного механизма, определив его как систему взаимосвязанных форм, методов, рычагов, используемых в процессе хозяйствования его субъектами на различных уровнях, а также структуру и организацию управления. Эта система охватывает особый комплекс хозяйственно-управленческих отношений, не находящихся между производительными силами и производственными отношениями (отношениями собственности), а включающих в себя внешние формы выражения производственных отношений (формы проявления экономических законов) — план, хозрасчет, цены, прибыль, процент, заработная плата, арендная плата, налоги и т. п., а также и некоторые надстроечные формы — экономическая политика, правовые институты (нормы

гражданского, административного и др. видов права) [9, с. 79-81].

Однако появление структуры «хозяйственный механизм» в политической экономии социализма формально не вызвало ее обращения к «институтам» в понимании институциональной теории как прежней, так и новой версии, к институциональным отношениям как производному от первого понятия. К методологическим подходам и к языку институционализма не обращалась не только политическая экономия социализма, но и, как сказано выше, вся классическая политическая экономия капитализма и ее марксистская ветвь. Не использовала и не использует этот методологический инструментальный и неоклассическая экономическая теория. Даже в глоссариях учебников «Экономикс» (неоклассический синтез) нельзя найти упоминаний терминов этого направления экономической теории (в обоих вариантах), хотя неоинституционалисты исповедуют методологические основы неоклассики. Вообще же ни понятие «хозяйственный механизм», ни понятие «институциональная среда» не случайно не используются в экономической теории капитализма как в работах классической политической экономии, в т. ч. в ее марксистской ветви, так и в неоклассических работах. Известный методолог и историк экономической мысли М. Блауг относил институциональную теорию (американский институционализм) к экономической социологии, занимающейся, по его мнению, «теми общественными институтами, которые влияют на экономическое поведение, как то: государство, банки, земельная собственность, право наследования, контракты и т. д.» и не без оправданной иронии заметил, что в таком случае «мы должны записать в „институционалисты“ Маркса, Шмоллера, Зомбарта, Макса Вебера, Парето, Веббов и многих других». Однако он ошибся в том, что «институционалистское движение сошло на нет в 1930-е гг.» [2, с. 658, 659]. Получил дальнейшее распространение «старый» и появился «новый» институционализм, которого Блауг вообще не заметил, но который в постсоветской России нашел довольно широкое признание в научных и образовательных кругах, вплоть до включения ВАК всего экономического институционализма в состав общей экономической теории наряду с политической экономией и экономикс в рамках официального классификатора отрасли «Экономическая теория». Однако немалое количество публикаций в научных изданиях и в виде многочисленных учебных пособий не привели пока к прояс-

нению в рамках институционалистской теории понятий «институт» и «институциональная среда», обслуживающих экономическую систему рыночного типа вообще и с ее нынешней российской спецификой.

Не случайно то, что американский институционализм появился на рубеже XIX–XX вв., когда капитализм свободной конкуренции и свободного ценообразования перешел в стадию крупной концентрации производства и централизации капитала с образованием монополистических объединений, с трансформацией единоличной частной собственности в акционерную частно-коллективную собственность. Рост обобществления производства требовал новых форм и методов управления, нового порядка, стало быть, новых норм и правил хозяйственного поведения, новых социальных институтов, а значит, и возрастания экономической роли государства, приведшего в дальнейшем к государственно-монополистическому регулированию экономики. В истории экономической мысли считается, что американский институционализм продолжил традиции немецкой «исторической школы» с ее ориентацией на разработку хозяйственно-практических вопросов, а не на изучение скрытых сущностных экономических отношений. И это объясняет нам его отличие от классической политической экономии, а интерес к социальной проблематике — от неоклассики.

В связи с национализацией основных средств производства и всех природных ресурсов и с переходом к плановой экономике с системой централизованного управления народным хозяйством советское государство было объективно поставлено перед задачей создания не известной ни прежней России, ни развитым западным странам системы правовых, административных, социальных, политических институтов (если под ними понимать нормы, правила, порядок хозяйственного использования государственных средств производства, земли, лесов, полезных ископаемых и других элементов национального богатства). На базе налаживаемых основ новых производственных (экономических) отношений и даже с опережением их возникновения (что требует времени и осуществления практической массовой деятельности людей) должен был быть создан механизм хозяйственного управления, состоящий из форм и методов, адекватных новой экономической системе, с использованием технологического и организационного опыта развитых капиталистических стран — хозяйственный механизм.

Думается, что есть достаточные основания на более широком поле экономической теории, признаваемом сегодня научным российским сообществом, попытаться идентифицировать методологический подход к теоретическому определению понятия «хозяйственный механизм» с «институциональным механизмом», обеспечивающим (должен обеспечивать!) российскую экономическую систему общественного воспроизводства. По социально-экономическому содержанию они — разные, поскольку имеются в виду планово-социалистическая и рыночно-капиталистическая (хотя и в незавершенном виде) экономики. Но речь идет об алгоритме их структур, и с этой точки зрения то, что разработано в отношении понятия хозяйственный механизм в советской политической экономии, может быть применено к «анатомии» институционального механизма современной российской рыночной экономики. Это позволит, во-первых, отделить и оставить в стороне те институты, которые не имеют непосредственного отношения к экономике, т. е. не являются, по нашему мнению (вопреки точке зрения некоторых институционалистов), экономическими институтами, и не оказывают прямого влияния на инновационную модернизацию. Во-вторых, такой подход дает ключ к выяснению соотношения институционального механизма с рыночной системой производственных (экономических) отношений. Наконец, вырисовывается структура самого институционального механизма и те его звенья, которые могут быть использованы как каналы реализации определенных направлений экономической модернизации.

Ниже в тезисном виде предлагается общетеоретическая концепция (учитывающая известные в литературе позиции) определения институтов и институциональной среды, в которой функционирует и развивается экономическая система в единстве производительных сил (техника, технология, организационно-отраслевая и территориально-региональная структура, человеческий фактор) и общественно-производственных (социально-экономических) отношений, при которых осуществляется процесс индивидуального и общественного воспроизводства во взаимосвязи производства товаров и услуг, их обмена, распределения и потребления.

I. Поскольку в институциональной теории обеих версий общим является определение институтов, обеспечивающих функционирование экономики, как формальных (юридических) и неформальных норм и правил хо-

зяйственного поведения, или хозяйствования, представляется более целесообразным применение термина «хозяйственные институты» вместо «экономические институты». Смысл состоит здесь в том, чтобы избежать смешения разных «по происхождению и природе» феноменов. Понятие «хозяйственный институт» порождено правом (собственно, исторически понятие «институт» вышло из римского права), соглашением между хозяйствующими индивидами или укорененной в сознании хозяйствующих субъектов традицией, общепризнанным обычаем, признаваемым аналогично юридическому установлению, и имеет юридическую субстанцию. Понятие «экономический институт» точнее указывало бы на его объективную «принадлежность» к исторически сложившемуся экономическому порядку, обусловленному экономическими закономерностями. Конечно, дело не в терминологии, а в определенном теоретическом разграничении разных явлений. Агентами экономических отношений в рыночно-капиталистической системе являются предприниматели (единоличные, корпоративные, муниципальные, государственные), наемные работники, различные коммерческие и некоммерческие организации. В своей хозяйственной (экономической) деятельности они принимают определенные решения, руководствуясь обязательными установлениями (правилами хозяйствования, хозяйственными институтами). Иначе говоря, в их экономических действиях представлены две стороны —

«базисная» и «надстроечная». В обеих версиях институционализма этот момент отсутствует, но, вводя институционализм в систему общей экономической теории и наводя мосты между ним и политической экономией, его следовало бы учесть.

II. Но основе сказанного формируется определенное представление об институциональной среде. В нее входят: а) институты — правовые и неправовые традиционные установления определенного порядка хозяйствования на различных уровнях экономической (в нашем случае не сложившейся до конца), рыночно-капиталистической системы; б) институты — организации и учреждения, реализующие институты первого ряда в практическом хозяйствовании [15, с. 103, 127]; в) конкретные формы проявления экономических (общественно-производственных) отношений, используемые как методы (рычаги, средства) в соответствии с правилами, ограничениями и разрешениями ведения хозяйственной деятельности (цены, издержки всех видов в различных фазах воспроизводственного процесса, включая издержки управления им, прибыль в ее различных превращенных формах, заработная плата наемных работников, доходы на всех стадиях распределения и перераспределения, бюджетная, налоговая, кредитная система и т. п.). Институциональную среду можно, видимо, рассматривать с известной условностью как некий альтернативный аналог хозяйственного механизма в плановой, централизованно уп-

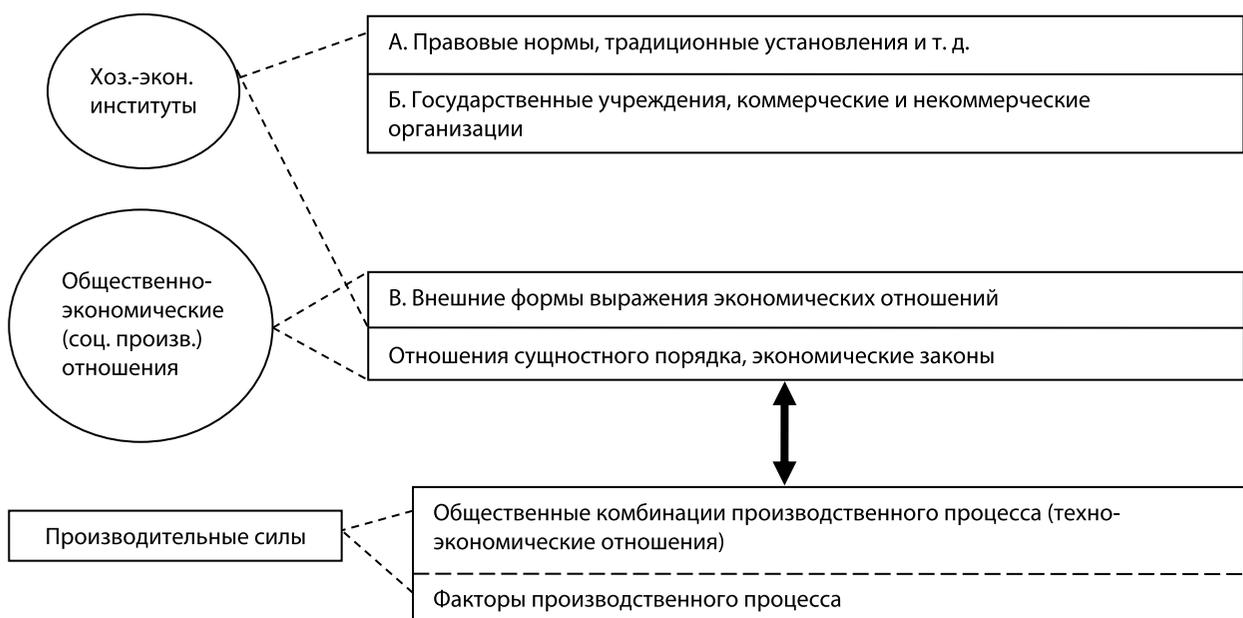

Рис. Схема структурных взаимосвязей общественно-экономических (социально-производственных) отношений и хозяйственно-институциональной среды

правляемой экономике. Соответственно, взаимосвязи элементов этой среды выступают как различные институциональные отношения (рис.).

III. Вопрос о модернизации институциональной среды с целью обеспечения инновационного развития экономики ограничивается рамками ее пространства и нацелен на ее трехчленную структуру. Фундаментальным, базисным основанием институциональной среды является «верхний слой» — конкретно-хозяйственные формы производственных (экономических) отношений. Но процесс модернизации данной среды (а это по технологии — реформирование) начинается с изменений норм и правил хозяйственного поведения, способствующих и обеспечивающих создание и внедрение инноваций. Изменения же в этой области, если они рассчитаны не на самотек и инициативу отдельных индивидов, а на системный масштаб всей экономики, предполагают, в свою очередь, прогнозное и программное обеспечение, долгосрочный, среднесрочный стратегический и краткосрочный текущий планы на государственном федеральном и региональном уровне. Но прогнозное-программное обеспечение не может не предшествовать концептуальная научно-организационная разработка. Пока же, кроме намерений и многочисленных сценариев в этой сфере, реальных шагов в России нет.

IV. Модернизация институциональной среды есть составная часть формирования и развития российской экономической системы и не может рассматриваться в отрыве от сегодняшнего триединства ее главнейших проблем в области производительных сил: восстановление индустриальной базы, созданной в составе СССР и значительно разрушенной в 1990-е гг., что обусловило наибольшие среди крупнейших стран потери в последнем мировом экономическом кризисе; преодоление сырьевой гипертрофии в отраслевой структуре народного хозяйства с обеспечением приоритетного развития машиностроения, обновления изношенных основных фондов; перевод экономики на инновационный путь техно-технологического совершенствования. Вместе с тем изменения в институциональной среде непосредственно направлены и на другую, социальную сторону экономической системы, на конкретные формы всей системы производственных (экономических) отношений, которые должны обеспечить возможность активного воздействия государства на научно-технический прогресс, стимулирование корпораций к испол-

нению нововведений, повышению производительности труда, эффективности производства, нацеливать экономическую политику на обеспечение экономического роста в неразрывной связи с неуклонным подъемом благосостояния народа и справедливым соотношением доходов между разными социальными группами населения в соответствии с принципами социального государства.

2. Многообразие видов региональных экономических структур: «базисные» и «надстроечные» факторы их формирования. Региональные экономические отношения

Национальная экономика такого масштаба по объему производства, пространству его размещения, как российская, отличается большим своеобразием в отраслевом и территориальном разрезе, а также их сочетанием в региональных экономиках. Их отраслевая специфика исторически формировалась в прямой зависимости от естественно-географических условий и возможностей, определяющих или узкую специализацию регионального производства, связанную с традиционным доминирующим видом хозяйственной деятельности его населения, или конгломератный тип экономики, рассчитанной на удовлетворение нужд (производственных, личных и общерегиональных потребностей) самого региона, на его максимально возможное самообеспечение материальными благами и услугами социальной сферы. К настоящему времени в Российской Федерации можно отметить четыре уровня и соответственно четыре вида региональной экономической интеграции. Два из них сформировались в СССР как части «единого народнохозяйственного комплекса» (ЕНХК), соединявшего в различных комбинациях все фазы общественного воспроизводства — производства, обмена, распределения и потребления на территории всей страны; все отрасли народного хозяйства — как производственной, так и непроизводственной сфер, межотраслевые и отраслевые комплексы; все региональные части экономики стран: экономические районы и территориально-производственные комплексы. Они сохраняются как объективная реальность, унаследованная Россией и существующая так или иначе независимо от государственно-правового оформления и централизованного планового управления экономикой страны, хотя ЕНХК как планомерно организованная целостная система перестал существовать. Два других вида ре-

гионов возникли и оформились как государственные образования после распада СССР: федеральный округ (2000 г.) и регион — субъект Федерации. Статус последнего как государствообразующей части государства федеративного типа определяется Конституцией РФ (1993 г.) и, в отличие от «федерального округа», созданного указами президента, является субъектом конституционного права, имеет право на собственное законодательство и проведение определенной социально-экономической политики и даже заниматься внешнеэкономической деятельностью [1, с. 34-38]. Поскольку Россия, согласно Конституции РФ, является государством федеративного типа, именно административно-территориальные организации, обладающие определенной политической и правовой самостоятельностью, субъекты Федерации — республики, края, области, города федерального значения, автономные области, автономные округа — становятся основным видом регионализации страны. Субъект Федерации, таким образом, сочетает в себе комплекс экономической, социальной, правовой, политической сторон, но именно правово-политическая в данном случае является исходным фактором данного формообразования. Исходным же (базисным) среди четырех видов региональных образований с экономической точки зрения является, на наш взгляд, не субъект Федерации, а экономический район, поскольку он характеризуется адекватными первичными признаками, очищенными от правового, политического, социального, этнического статуса определенной территории. «Экономический район» — является объективной научной категорией фундаментальной науки — экономической географии, и конкретно-экономической дисциплины региональной экономики. Большая советская энциклопедия (БСЭ: 3-е изд-е. Т. 29, с. 628) дает следующее определение понятия «экономический район»: «...Территориальная часть народного хозяйства страны, характеризующаяся определенным экономико-географическим положением, терр.-хозяйственным единством, своеобразием природных и экономических условий и исторически сложившейся производственной специализацией, основанной на территориальном общественном разделении труда». Как видно, в этой трактовке «экономический район» — категория общественной организации производительных сил. Акад. Н.Н. Некрасов [6, с. 280] дополнял это определение указанием (хотя и не формально, но фактически) на общественно-про-

изводственные отношения, в форме которых создается и функционирует данная организация, которую К. Маркс называл «общественной комбинацией процесса производства» [5, с. 46]. Мы разделяем эту точку зрения, вводя вместе с тем понятие «региональных общественно-производственных и хозяйственно-институциональных отношений» [3, с. 198-199].

Как указывалось в первом разделе, общественно-производственные (или общественно-экономические) отношения определенного исторического типа (в данном случае рыночно-капиталистические) по своим существенным характеристикам являются общими (одинаковыми) для всех стран, отраслей и регионов, где они возникают вместе с присущими им фундаментальными экономическими законами и адекватными формами их действия. В этом смысле некорректно говорить, например, о национальных английских, американских, немецких, российских и т. д., об отраслевых и региональных общественно-производственных отношениях. Но последние имеют особенности конкретного проявления и в национальных экономиках, и в различных ее сферах, отраслях и регионах. В таком смысле вполне уместна упомянутая терминология (например английский, американский, немецкий, российский капитализм). Это тем более касается хозяйственно-институциональных, например, управленческих, отношений. В тексте под региональными общественно-производственными отношениями автор имеет в виду их специфику, связанную прежде всего с особенностями производительных сил, их организационных форм, применяемыми технологиями, конкретно-историческими, этническими факторами, природными условиями и пр.

Тем самым мы вводим экономический район в систему категорий политической экономики (общей экономической теории), в ее классическую ветвь и в неоклассический синтез (возможно, в раздел мезоэкономической теории).

В составе РСФСР накануне распада СССР выделялось 11 экономических районов: Центральный, Центральнo-Черноземный, Поволжский, Северо-Кавказский, Волго-Вятский, Северо-Западный, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный и Калининградская область. В СССР экономическое районирование использовалось для научного обеспечения централизованного планирования развития народного хозяйства, но регионы этого вида не оформлялись как государствен-

ные образования, обладающие каким-либо правово-политическим статусом республики, края или области. Отказ от плановой и переход к рыночной системе хозяйствования в России привел к утрате роли такого регионарирования в качестве элемента планового управления экономикой страны и ее территориальными частями. Но оно было фактически использовано с некоторыми коррективами для создания в 2000 г. чисто управленческой государственной структуры — федеральных округов (см. Указ Президента РФ № 849 от 13 мая 2000 г. «О полномочном представителе в федеральном округе») во главе с полномочными представителями Президента РФ. Семь, а затем 8 федеральных округов «разделили» между собой территории одиннадцати экономических районов-регионов: Центральный, включивший и прежний Центрально-Черноземный экономический район; Северо-Западный, совпавший с территорией одноименного экономического района, и Калининградской области, образовавшей особый экономический район (регион); Южный, в контрольно-надзорную сферу которого вошел весь Северо-Кавказский экономический район, а также Республика Калмыкия и Астраханская область из Поволжского района. Позднее из Южного округа был выделен (скорее по политическим, чем экономическим мотивам) ставший восьмым Северо-Кавказский федеральный округ. Образован Приволжский федеральный округ без Калмыкии и Астраханской области, но включивший весь Волго-Вятский экономический район, Пермский край и Удмуртию из Уральского экономического района. Уральский федеральный округ «подвинулся» на восток от Уральского экономического района, поставив под свой контроль также Тюменскую область с ее двумя северными богатейшими по природным ресурсам нефте- и газодобывающими административными автономными округами Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским. Территория двух сибирских экономических районов оказалась объединенной в один огромный федеральный Сибирский округ. Дальневосточный федеральный округ, включая Якутию, контролирует территорию Дальневосточного экономического района и Забайкальского края, входящего в экономический район Восточной Сибири. Территориально-географически Якутия должна бы принадлежать, скорее, тоже к Восточной Сибири. С этим регионом через Транссибирскую магистраль Якутию давно уже связывает около четверти века почти «законсер-

вированная» БАМ, подошедшая к главной водной транспортной артерии Якутии — р. Лене. Другая железнодорожная ветвь от БАМа вышла к южной части Якутии из Забайкалья и ведется к столице республики. Широкие возможности приближения якутского региона к «материку» открывают авиация и Интернет. Дальневосточный регион не располагает такими собственными готовыми к применению ресурсами, чтобы обеспечить инновационное расширенное воспроизводство другого, огромного региона. Он сам сегодня, выводя Россию к Тихому океану, Китаю и Японии, нуждается в интенсивной помощи.

Как мы видим, федеральные округа, с одной стороны, опираются на прежде сформированные экономические районы (регионы), но при этом они перекраивают границы пространства экономических районов. Думается, что такое противоречие требует разрешения и именно путем приведения в соответствие «надстроечных» образований с «базисными», а не наоборот. Росстат в своих ежегодниках представляет социально-экономические показатели состояния и развития федеральных округов [10, с. 41 и др.]. В управление федеральными округами могла бы быть включена и экономическая компонента, ориентированная на проектирование развития экономических районов, их производственной и социальной инфраструктуры, координацию деятельности расположенных на их территории субъектов Федерации, а также крупных государственных и частных корпораций.

Границы федеральных округов не соответствуют и очертаниям территориально-производственных комплексов, сформировавшихся в пространстве РСФСР как сочетание различных взаимосвязанных отраслей производства и инфраструктуры, включая социальную, на базе совместного использования природных и трудовых ресурсов на определенной территории одного или разных смежных экономических районов [12, с. 95-109]. ТПК не должны быть утеряны в стихии нынешней рыночной экономики, «растворены» в неуправляемой системе частно-хозяйственной конкуренции. Их можно эффективно использовать в общенациональных интересах России, прежде всего сделав их объектом целевых комплексных межотраслевых и межрегиональных программ, прогнозов и стратегического планирования.

Что касается субъектов Федерации, то все они являются частями разных экономических районов и, находясь в пределах одного из этих районов, такие субъекты-регионы по сущес-

тву не различаются как экономические структуры, хотя в дальнейшем незначительные в начале экономические различия могут нарастать вследствие инновационного интенсивного динамического роста, изменения отраслевой структуры народного хозяйства. Нарастание таких изменений в области производительных сил региона способно приводить и к определенным качественным сдвигам в отраслевой структуре, в комплексе видов экономической деятельности (по системе национальных счетов), в специализации экономики, диверсификации промышленности и т. д., что может потребовать отражения таких изменений в конфигурации экономических районов, пересмотра очертаний их границ. Однако за 20 с лишним последних лет в России подобных перемен, хотя бы уточнений и некоторых корректив, не наблюдается, что свидетельствует не только и не столько об отсутствии в рыночной экономике необходимости непрерывного планового вмешательства в экономический процесс, сколько о непреодоленности того спада в производстве, который произошел в России к середине 1990-х гг. Что менять, если прежнее пространство экономических районов и их территориальных частей сжималось как шагреновая кожа, запустив процесс прямой деиндустриализации и промышленности, и сельского хозяйства?

Несомненна актуальность создания условий простого (бездотационного) и расширенного воспроизводства в экономике регионов России в связи с распадом СССР и грядущей перспективой.

Немало сказано и написано о потерях экономики России в 90-е гг. прошлого века. Удары трансформационного кризиса настолько велики, что в последнее время даже в либеральных кругах ставится вопрос о необходимости реиндустриализации страны. Шумиха вокруг надуманного перехода России уже «здесь и сейчас» от состояния экономического развала к мифическому постиндустриальному обществу стала утихать и сменилась более реалистическими, но не до конца порвавшими с постиндустриальной романтикой размышлениями о том, каково же соотношение индустриального и постиндустриального в производительных силах современной России. Тем самым рушится некритически заимствованное у западных социологов положение о критерияльном значении пропорции между продуктами материального производства (товарами) и услугами нематериального производства (сферы услуг) в составе валового внутреннего

продукта (ВВП) для определения водораздела между индустриальной и постиндустриальной экономиками. Если удельный вес услуг перешагнул 50% ВВП, то страна вошла в стадию постиндустриального развития. Но ведь таким показателем с низким уровнем доли продуктов материального производства характеризуется и экономика слаборазвитой в индустриальном отношении страны.

Обращение сегодня к методологическим, теоретическим и практическим вопросам разработки проблем регионального воспроизводства не случайно. Оно вызывается прежде всего необходимостью изучения нынешней структуры российской экономики, анализа изменений, происшедших во взаимосвязях ее отраслей и регионов, вследствие распада «единого народнохозяйственного комплекса СССР», разорвавшего или в лучшем случае резко ослабившего хозяйственную интеграцию между российской экономикой, ее регионами и экономикой всех остальных 14 союзных республик. В том же направлении оказала отрицательное влияние ломка кооперационных отношений между странами бывшего СЭВ и внутрирегиональным воспроизводством экономики России. Бесспорный интерес представляет сегодня изучение последствий проведенной приватизации основных фондов, разрушение обрабатывающей промышленности и не только ее сердцевины — машиностроения, но и таких отраслей, как легкая и пищевая промышленность. В силу указанных перемен нарушены и внутрироссийские межрегиональные связи на почве сложившейся специализации хозяйства регионов. Вступление России в ВТО добавляет к существующим серьезнейшие проблемы, во-первых, обеспечения конкурентоспособности нашей обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства на собственных рынках перед лицом очевидного роста импортной интервенции товаров с более низкими издержками производства. При этом каждый из восьми российских федеральных регионов оказывается перед лицом специфических проблем, связанных с особенностями укоренившейся структуры экономики конкретного региона. Во-вторых, вследствие усиления угрозы национальной экономической безопасности страны возрастает необходимость структурной перестройки пропорций народного хозяйства, способных обеспечить режим самостоятельного национального расширенного воспроизводства страны и определения в нем места каждого региона. Наконец, общегосударственный курс требует актуализации на-

учного и практического интереса к концепции и методам определения среднесрочной и долгосрочной социально-экономической перспективы России (проекты, программы, планы). Отсюда необходимость конструирования «дорожной карты» поэтапного стратегического развития страны и регионов со структурными схемами межотраслевых, межрегиональных и внутрирегиональных связей на каждом этапе (координаты времени и пространства) с приоритетной ориентацией общенациональной и региональной экономики на решение социальных проблем.

Решение проблем дальнейшего развития региональных экономик России на базе инновационного роста производительных сил и совершенствования производственных (экономических) и хозяйственно-институциональных отношений сталкивается сегодня с серьезными альтернативами в выборе стратегии предстоящего формирования экономической системы и ее территориальных частей, а в ближайший период с проблемами собственного воспроизводства регионов в свете вступления России в ВТО. Этот шаг, учитывая современное состояние российской промышленности и сельского хозяйства, напоминает о риске летящей на огонь ночной бабочки. Вхождение России в эту организацию добавляет к ее существующим острым проблемам необходимость обеспечения конкурентоспособности нашей обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства на собственных рынках перед лицом очевидного роста сильной импортной интервенции товаров с более низкими издержками производства. Однако, на наш взгляд, нет оснований для принятия специальной программы противостояния российских производителей зарубежным экспортерам. Ее роль должна сыграть общая стратегия развития всех отраслей народного хозяйства, и прежде всего обрабатывающей промышленности, особенно машиностроения, обеспечивающего технический и технологический прогресс во всех отраслях материального производства и социальной сферы, выводя их на новый этап индустриализации и новый уровень производительности труда, который только и может удешевить производство продукции. Не только полуразрушенное машиностроение, но и катастрофический упадок таких отраслей, как легкая и пищевая промышленность, выдвигают на передний план восстановительную проблему. Фактор сырьевой однобокости российской промышленности, усилившийся благодаря упадку обрабатывающей промыш-

ленности и ориентации на мировой рынок, требует структурной перестройки ее отраслей в соединении их с техно-технологической реконструкцией в целях быстрее обновления основного капитала и перевода экономики на путь инновационной модернизации, а значит, и повышения эффективности производства.

Все указанные факторы оказывают сильное влияние на экономику каждого из федеральных округов, каждого региона — субъекта Федерации, оказывающегося перед лицом специфических проблем, связанных с особенностями укоренившейся структуры экономики конкретного региона, с сохранившимися элементами территориально-производственных комплексов. Вследствие усиления угрозы национальной экономической безопасности страны стратегическая программа обязана обеспечить режим самостоятельного национального расширенного воспроизводства страны и определения в нем места каждого региона.

Когда мы обращаемся к проблеме регионального воспроизводства вообще, мы сталкиваемся с такой кардинальной его спецификой, как вытекающая из его региональной природы теоретическая невозможность разрешения противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью в рамках собственного воспроизводства. Если в отношении общественного воспроизводства, особенно такой страны, как Россия с ее громадным разнообразием природных условий и высоким потенциалом естественных производительных сил, теоретически правомерна абстрактная модель полностью самостоятельного воспроизводства в простом и расширенном масштабе как по стоимости, так и по потребительной стоимости, то региональное совокупное производство и его региональный совокупный продукт (РСП) исключают построение подобной модели. (Конечно, в реальной действительности и общественное воспроизводство осуществляется с растущей ролью внешнеэкономических связей, но это — вопрос конкретно-исторического плана). Задача же обеспечения бездотационного воспроизводства региона вполне решается, что подтверждается практикой экономической деятельности ряда российских регионов. Но такой результат непосредственно возможен только со стоимостной, финансовой стороны. Со стороны же натурально-вещественной регион производит урезанный (усеченный) совокупный продукт, и тем более урезанный, чем глубже специализация хозяйства региона и чем ниже структурный уровень ре-

гионализации. Поэтому региональный баланс между доходной и расходной сторонами регионального валового продукта обеспечивается выходом в область межрегиональных меновых отношений, где натуральная часть совокупного продукта данного региона замещается другой натурой, которая и разрешает указанное противоречие. Такая специфика воспроизводства в регионах объективно выдвигает перед стратегической программой социально-экономического развития России ответственную задачу разработки системы межрегиональных связей, способных обеспечить обмен деятельностью регионов, а значит и бездотационное воспроизводство в них. Вместе с тем исследователи ставят вопрос о назревшей необходимости определения государственного, муниципального и частного потенциала (ресурсов) каждого региона — производственно-технологического, трудового, финансового, социального; о проектировании развития региона и создании соответствующих новых институциональных структур [13, с. 727-734].

Комплекс грандиозных проблем требует, конечно, от общегосударственного курса экономической политики актуализации научного и практического интереса к концепции и методам определения среднесрочной и долгосрочной социально-экономической перспективы России (проекты, программы, планы): необходима «дорожная карта» поэтапного стратегического развития страны и регионов со структурными схемами межотраслевых, межрегиональных и внутрирегиональных связей на каждом этапе (о чем мы говорили выше). Российская экономика — не плановая, а рыночная, поэтому, естественно, и методы государственного регулирования экономики не директивно-плановые, а «планово»-рыночные (сочетание государственно-правовых и рыночных регуляторов на базисе частного и частно-корпоративного хозяйствования). Перед такой «смешанной» экономикой, не завершившей еще переходный период и по международным стандартам относящейся к странам со становящейся рыночной экономикой, перспектива выдвигает указанные выше ключевые задачи. Чтобы решить эти проблемы, необходима структурная перестройка пропорций. Для этого нужен межотраслевой и межрегиональный перелив капитальных инвестиций (аллокация, миграция капиталов), который может происходить двумя путями: а) уход капитала из одной отрасли и переход его в другую отрасль, что может происходить и на тех же предприятиях; и б) направление новых капиталов-

ложений (инвестиций) преимущественно в определенную отрасль, в тот или иной регион. Капитализм выработал и механизм такого перемещения капиталов. Это — межотраслевая конкуренция за более прибыльное приложение капитала, слияние и поглощение капиталов, приводящие к росту концентрации капитала и производства, к его диверсификации при посредстве кредитно-банковской системы и фондового рынка. В нынешней экономике России такой механизм еще не сформировался, поэтому функция макроэкономических структурных преобразований в системе пропорций в определяющей мере может осуществляться только с участием государства с использованием рыночных и нерыночных методов структурирования экономики, включая соотношение добывающей и обрабатывающей промышленности и развитие социальной сферы во взаимосвязи с материальным производством, его различными отраслями. Конституция РФ определяет российское государство как социальное, что требует от правительства (понимаемого в широком смысле) активного осуществления функции социального ориентирования экономики. К сожалению, в научном плане отсутствуют в нашей литературе разработки этой темы. Многие вообще не видят в ней принципиальных особенностей постановки проблемы, трактуя формулу Конституции как декларацию или как то, что уже имеет место в деятельности современных государств, в т. ч. и России, в виде социального обеспечения, социальной защиты, частичного бесплатного образования и здравоохранения, некоторых льгот для участников войн, различной благотворительности и т. п. Думается, что социальное государство, хотя оно и не «социалистическое», отражает все же высшую возможную при капитализме степень объективного процесса социализации, усиливающейся прежде всего под давлением роста реального обобществления производства, развития общественного характера современных производительных сил, глобализационных процессов, что требует качественного усиления регулирующей роли государства в различных сторонах жизни общества, в т. ч. и прежде всего в области экономики и социальной сферы, в интересах роста материального благосостояния и духовно-нравственного развития людей, недопущения роста социального неравенства между ними, включения работников в органы управления предприятиями, обеспечения бесплатного здравоохранения и образования, культурного роста всех слоев общества и т. д.

Анализ показывает, что как раз по вопросу о природе и функциях социального государства (при тактике умолчания на этот счет) про- ходит водораздел между главными альтернативными концепциями стратегии социально-экономического развития России до 2020 г.

Список источников

1. *Архипов А. Ю., Черковец О. В.* Внешнеэкономическая деятельность российских регионов. — Ростов-н/Д.: Феникс, 2005.
2. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе : пер. с англ.; 4-е изд-е. — М.: Дело Лтд, 1994.
3. Инновационное развитие экономики России: институциональная среда. Т. 1 // Под ред. В. П. Колесова и Л. А. Тутова. — М.: ТЕИС, 2011.
4. *Макконнелл К. Р., Брю С.* Экономикс I. — М.: Республика, 1993.
5. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1949.
6. *Некрасов Н. Н.* Региональная экономика. — М.: Экономика, 1975.
7. Общая экономическая теория. : учеб. пособие. Глава 15 «Экономические институты»/ Под ред. А. А. Пороховского. — М.: Издательский дом «Кодекс», 2010.
8. Политическая экономия России. Динамика общественного договора в 2000-х годах. Институт национального проекта «Общественный договор» / Сост. А. А. Аузан, А. В. Золотов, А. А. Ставинская, В. Л. Тамбовцев. — М., 2010.
9. Проблемы развитого социализма в политической экономии. — М.: Наука, 1977.
10. Российский статистический ежегодник 2011 / Федеральная служба государственной статистики. — М., 2011.
11. *Самуэльсон П.* Экономика / *economics* : 5-е изд-е. — М.: Прогресс, 1964.
12. *Семенов В. Ф.* Формирование территориальных комплексов // Общественный характер производства и социалистическая собственность. Гл. 7. — М.: Экономика, 1985.
13. *Сухарев О. С.* Эволюционная экономика. — М.: Финансы и статистика, 2012.
14. *Ходжсон Д.* Экономическая теория и институты. — М.: Дело, 2003.
15. Экономические институты современной России : мат. науч. конф. памяти М. И. Скаржинского / Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова. — Кострома : КГУ, 2010.

УДК 330.101:332.14 (470 + 571)

Ключевые слова: общественная организация производительных сил, общественно-производственные и хозяйственно-институциональные отношения, системная модернизация экономики, политическая экономия, региональная экономика как реальность и научная дисциплина, национальные и региональные особенности экономики, вид экономического региона, социальное государство и социально ориентированная экономика